

Р.ВИППЕР

СОСТОЯНИЯ И СОБЫТИЯ, МАССЫ И ЛИЧНОСТИ, ИНТЕРЕСЫ И ИДЕИ

*(Из книги «КРИЗИС ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ»
КАЗАНЬ. ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗД-ВО. 1921. С. 3 - 14.)*

Если кто из вас учился по латыни, то, может быть, помнит выражение Цицерона: *historia est magistra vitae* - история - наставница жизни. Бывают эпохи, когда хочется сказать как раз обратное: не история учит понимать и строить жизнь, а жизнь учит толковать историю. Такую эпоху мы сейчас переживаем.

Наш жизненный опыт и в крупном, и в мелком необычайно обогатился. И наши суждения о прошлом, наши исторические мнения приходится все пересматривать, подвергать критике и сомнению, заменять одни положения другими, иногда обратными. История из наставницы стала ученицей жизни (1).

В самом деле вот вам группа фактов, под давлением которой мы находимся. Мы были участниками, частицами великого государственного тела, ныне более не существующего. Мы притягивали историю для объяснения того, как выросло русское государство и чем оно держится. Теперь факт падения России, наукой весьма плохо предусмотренный, заставляет историков проверить свои суждения. Он властно требует объяснения; надо найти его предвестия, его глубокие причины, надо неизбежно изменить толкования исторической науки.

Мне хотелось бы остановиться на одной существенной перемене в наших исторических методах, которую создала переживаемая нами катастрофа. Вы вероятно обратили внимание на заглавие моего курса: «Международная и политическая история новейшего времени». Для тех, кто впервые начинает слушать в Университете, тут нет ничего особенного; но для того, кто немного знает характер нашего обычного общеуниверситетского преподавания, я скажу, для тех, кто знаком с характером моих прежних курсов, этот заголовок звучит необычно.

Мы, преподаватели Университета, совсем не то выдвигали

в истории, совсем не на том останавливали наших слушателей, старались в них вызвать совсем другие представления. Наша речь была не о *внешней*, политической, дипломатической и военной истории, а о *внутренней*, социальной и культурной (2). Мне необходимо подробнее остановиться на нашей прежней исторической манере для того, чтобы яснее выступила вся значительность перемены, которую мы испытали, и которой мы должны подчиниться, если хотим поспевать за жизнью, а не погибать от ее толчков.

Историческое преподавание и в средней школе, и в Университете стояло под знаком *социальной истории*. Конституции, личности правителей, дипломатические переговоры, военные действия казались явлениями поверхностными, под которыми кроются «истинные» «реальные» глубокие внутренние процессы. Самое важное, что подлежит изучению историка, это - общественные отношения, строение классов. Стоит понять внутренние отношения, и тогда будут ясны все личные, международные и внешнегосударственные перемены.

С этой уверенностью в превосходстве внутренней истории над внешней были связаны еще другие особенности нашей недавней исторической манеры. Мы придавали мало значения *личностям*, мы сводили крупные факты к действиям *масс*. Большие цифры, партии, собирающие большое количество голосов, массы плательщиков, интересы обширных общественных слоев, вот что - говорили мы - решает в конечном счете. Что могут сделать отдельные министры, дипломаты, администраторы, парламентские ораторы? Что могут значить переговоры между кабинетами, трактаты между государствами? - Они только подтверждают, закрепляют то, что уже решено подавляющей силой масс; больше того, эти акты - только вывеска - объявление о том, что происходит в судьбах больших общественных групп.

Мы еще дальше шли в применении нашего метода истолкования истории законами массовых действий. Разделяя человеческие мотивы, их *интересы и идеи*, мы склонны были придавать первостепенное значение интересам. Идеи, теории сами будто бы не двигают жизни, они - только следствие таких-то и таких-то комбинаций интересов, сплетения жизненных мотивов; они - только своеобразная игра света на поверхности

волн потока, но они не влияют на течение этих волн. Мы преимущественно описывали различные *состояния* социального и культурного положения классов и очень мало склонны были рассказывать о *событиях*, происшествиях.

Конечно мы находились под невольным незаметным для нас воздействием жизни. В европейском мире было сравнительно тихо, если не считать окраин, какого-нибудь Балканского полуострова, не было ни войн, ни переворотов; продолжались одни и те же состояния - вот их-то мы и считали самым важным моментом в изучении эпох прошлого.

Наши научные понятия и приемы находили себе поддержку еще в своеобразных житейских предрассудках. Европейские общества отвыкли от войн, и хотя всюду была введена всеобщая воинская повинность, громадное большинство людей разучилось владеть оружием. Все тяготились и военной повинностью, и тяжелыми налогами, служившими военному бюджету. Из этого недовольства создавался страх перед войной, который люди, по свойственной им сентиментальности, возвели в нелюбовь к войне, в нравственное осуждение войны. Европейцы забыли, что громадные державы современности из войн возникли, военной силой сохраняются; они принимали, как должное, выгоды, которые давал империализм, т.е. расширение государства путем войн или угрозы войнами, и не хотели принимать тяжелые обязанности, которые он за собою влек. Таким образом, возникло одно из курьезных явлений недавней современности - пассивизм (3).

У меня есть хороший знакомый моего возраста, историк, образованный и умный человек, который с начала великой войны при встречах постоянно мне твердил: «я враг войны, я ненавижу войну, я в ужасе от негуманности людей, приемлющих войну!». Напрасно приходилось мне указывать на неуместность этих восклицаний, пробовал я даже намекнуть слегка на лицемерие филантропических сентенций, мой знакомый не хотел понять меня; напротив он находил, что выгодно отличается от нас, принявших войну и лихорадочно следивших за ее поворотами. Давно я не спрашивал его, как он сейчас смотрит на войну; может быть, он остался неисправим и до сих пор разделяет салонную мораль Берты Зуттнер (4) с ее кличем «долой оружие», который

был так популярен во времена Гаагской конференции 20 лет тому назад (5). Но уже теперь мой знакомый одинок. А до войны, в особенности же до катастрофы России, он представлял взгляд подавляющего большинства интеллигентных людей, не желавших «принять войну». О массах простого народа я вообще не говорю, потому что они ничего не думали, не были ни за, ни против войны, и теперь только, под впечатлением оглушительных ударов гражданской войны, получили случай впервые сообразить, какое место занимает война в общем строе жизни.

Пасифизм очень сильно действовал на характер нашего преподавания. Останавливаться подробно на войнах, на выдающихся военных деятелях считалось старомодным, смешным, почти нравственно предосудительным. Припомним отношение большинства к японской войне. Как мало интересовались ходом военных действий, как много было людей, иронически сочувствовавших японцам! В публике хорошо знали Куроки, Ноги, Оку и пр. и плохо разбирались в именах русских генералов. Позднее, оппозиционные партии в Думе необычайно пренебрежительно относились к вопросам военного бюджета, а широкие слои общества поддерживали их в данном случае своим сочувствием (6).

Отражалась эта странная слепота общественного мнения и в школе. Тут уже просто считалось аксиомой, что надо поменьше заставлять учить войны и миры, а побольше останавливаться на культуре (7). Педагоги от себя прибавляли еще то соображение, что неразумно забивать голову ученика хронологическими цифрами, упоминанием бесчисленных сражений, которые к тому же ничего не изменили в ходе развития человечества, но все-таки главное основание чуждаться изучения войн в школе состояло в том, что педагоги хотели привить отвращение к войне, воспитать в молодых поколениях гуманность. Как далеко в этом отношении шли люди чувствительные, видно из анекдотического нежелания радикально мыслящих родителей покупать детям в виде игрушек ружья, оловянных солдатиков и т.п.; «что за варварские, допотопные игры!» - говорили отцы и матери, «надо давать в руки с самого малого возраста только полезное!».

Именно над этим-то закостеневшим в своих предрассудках обществом, заснувшим над поверхностью клокотавшего вулкана,

и стряслась двойная беда - война и социальная революция, а последняя есть тоже война, только распыленная, зато еще более беспощадная! Теперь мы все увидели, что уже давно существуем среди всеобщей войны, что все наши жизненные усилия служили войне, были результатом все возраставшей жестокой конкуренции (8).

Любили вы войну или нет, вы должны были ею заинтересоваться, вы должны были почувствовать ее великую роль в истории человечества (9). И вы невольно должны теперь смотреть иными глазами на прошлые века. Ваше внимание устремилось особенно на великие войны. Вы теперь с удвоенным интересом станете читать Фукидида, который изображает великую войну своего времени (10). Вы еще и еще раз перечитаете рассказ Ливия о драматических колебаниях счастья в Аннибаловой войне (11). Вы с некоторым изумлением припомните, что двести лет тому назад, в начале XVIII в. была кровопролитнейшая война, в которой участвовали также, как недавно, все европейские государства, разделившиеся на две коалиции. Пожалуй вернее это были две войны, которые в учебниках разделены и никогда вместе не воспринимаются; одна Великая Северная, у которой главные герои - Петр I и Карл XII, другая - так называемая война за испанское наследство, в которой коалиция из Англии, Голландии, Австрии пытается разбить созданную Кольбером и Людовиком XIV французскую империю (12). Я уже не говорю, какой интерес для нас приобрели войны Наполеоновского времени (13).

Попробуйте теперь сказать, все равно кому ли другому, или самому себе, что войны в истории неинтересны. Я боюсь, что иные из вас скажут напротив, что самое интересное в истории - как раз войны. На себе я испытываю следующее. Лет 15 тому назад меня избрали в Русское военно-историческое общество (14), усердно приглашая посещать его заседания. Я ни разу не удосужился пойти туда. В нынешнем же году, получив приглашение участвовать в военно-исторической комиссии (15), я так увлекся ее работой, что не пропускал ни одного заседания. С величайшим интересом узнаю я принципы военного искусства, слежу за своеобразными поворотами и открытиями в области военного гения, нахожу много соприкосновения между предметами, которыми сам занимался в истории, и вопросами, которые

разрабатываются военными.

Нельзя не заметить еще другого устремления нашего интереса и внимания. Нас привлекают, и притом остро и болезненно, среди войн такие, которые сопровождались социальными столкновениями, которые или осложнены были гражданскими войнами или превращались в гражданские войны или исходили от гражданских столкновений.

Нам особенно любопытна связь между гражданской войной английской революции и последующим непосредственно могущественным развитием внешней силы Англии; ведь Кромвель (16), главный герой междоусобия 40-х годов XVII в., есть в то же время родоначальник Великобритании, создатель объединенного королевства; другой деятель, выдвинутый революцией, Блэк (17), - основатель английского военного флота, мощи Англии на морях. Та же последовательность в истории французской революции; из столкновений между партиями, борющимися внутри Франции, возникает война Франции со старой Европой; из молодых вождей, выдвинутых революцией, выходят Наполеон и его маршалы, создавшие империю, господство Франции над большей частью материка.

В этих событиях гражданские войны предшествуют империалистическому расширению, внешняя война до известной степени служит для накопившихся буйных элементов, для массы людей, которых революция сбила с пути, разорила, лишила средств существования. Можно наблюдать обратный порядок, когда гражданская война является следствием империализма. Примером такого сцепления вещей служит Пелопоннесская война. Вызванная расширением афинской державы, угрожавшим остальной Греции, она в дальнейшем ходе привела к замене афинского империализма спартанским. Но состояние двух крупнейших общин все более осложнялось социальными столкновениями внутри городов, а после ее окончания, во время так называемой Коринфской войны во многих общинах произошли настоящие коммунистические революции; Афины едва убереглись от такого переворота, но испытали сильное давление коммунистических идей (18).

Какова в Греции связь империализма и гражданской войны? Победа над персами, высшие успехи привлекли в страну

богатую добычу, золото, усиленную торговлю, увеличилась конкуренция классов, разгорелась зависть, жажда дележа добычи. Греция разделилась на две коалиции, которые вступили в борьбу из-за вновь приобретенного богатства, но этого мало, в каждой общине прошла рознь классов. Коалиции междуобщинные перекрещивались другим делением, другим разрезом, распадением на коалицию демократов и олигархов, один класс стал разорять другой.

Приблизительно та же связь между империализмом римской республики и гражданскими войнами в Риме. Внешние успехи, особенно завоевание богатого Востока отражаются внутри возвышением банкиров, развитием крупного землевладения и падением крестьян, средних и мелких хозяев. Погибает множество хозяйств среднего достатка, и образуется большой городской пролетариат. Преуспевающие классы вступают между собою в ожесточенную конкуренцию, которая переходит в настоящую войну. Обилие бездомных, бесхозяйных людей, разоренных внешними кампаниями, дает новый и новый материал для колониальных завоеваний, увеличивает состав легионов, империя еще разрастается от развития пролетариата. Но то же самое обилие пролетариев создает материал для внутренних столкновений; болезнь захватного обогащения, нездоровая жажда добычи обращается во внутрь государственного организма. Вожди внешних завоеваний, превращаясь в социальных диктаторов, предводителей партий гражданской борьбы, направляют своих солдат на внутренние сражения и ограбления.

И опять среди споров и битв появляется красное знамя, призрак коммунистического переворота, раздаются социалистические учения, производится национализация земли, уничтожение кредита, совершаются раздачи на равных условиях (19).

Соединение воинственного напряжения с коммунизмом мы наблюдаем в эпоху Гуситских войн. Сейчас под впечатлением недавних событий нам многое представляется неожиданно любопытным в истории Чехии первой половины XV в. Мы видим национальное движение с требованием самоопределения народа против старого режима, против императорской власти, связанной с господством церкви. Умеренная оппозиция идет сначала вместе

с радикальной. Радикалы отдаются учению о коммунизме, которое возвещается талантливими проповедниками и учеными с необычайным жаром и железной последовательностью. Программу равенства и неделимой общей собственности усваивает воинство, которое отбивает победоносно все армии, вооружаемые во имя старого порядка, а потом решительно порывает с умеренными. Основавши свой центр под именем Табора (т.е. Библейской горы благодати, Фавора) в большом промышленном городе, коммунистическое воинство начинает совершать крупные набеги в соседние страны, забирая огромную добычу, наводя ужас на состоятельные классы и пропагандируя среди пролетариев других государств свои социальные идеи, которые люди зажиточные называли «богемским ядом».

Пятнадцать лет живет Табор в качестве коммунистической общины, живет чужими запасами, захватом добычи, ничего не производя, живет гражданской войной. Воинство остается непобедимым до тех пор пока живы его замечательные вожди, Жижка и два Прокопа. С их смертью все рушится (20). В виде наследия от страшной воинственной коммуны остаются мирные трудолюбивые созерцательные общины чешских братьев.

Посмотрите, куда направляется наш интерес: к событиям, войнам, революциям, драматическим конфликтам, сражениям, переворотам, боям, воинственным организациям, громадным захватам. Нам хочется наблюдать массы не в состояниях, не в классовом их делении, изучать их не в порядке описания, а в их действиях, в резких поворотах. Мы надеемся лучше понять их жизнь при таком способе изучения, при такой постановке. Ясно, откуда идет новое направление нашей исторической манеры: мы целиком захвачены действиями, быстро развертывающимися и сменяющимися друг друга.

Есть еще одна особенность в направлении нашего вкуса и нашего внимания. Нас стали интересовать *личности* вождей, организаторов, идейных вдохновителей, командиров, правителей, ораторов, проповедников. И опять эта перемена пошла от наблюдения современности. Мы почти не говорим: «политика Англии, Франции, Соединенных Штатов», а выражаемся: «замыслы, программа Ллойд-Джорджа, Мильерана, Вильсона»(21). Мы говорим, что Германия одерживала победы

против гораздо более сильного врага благодаря таланту Гинденбурга, Лидендорфа, Тирпица (22).

Сошлюсь опять на мнения моих новых знакомцев, военных. Мы привыкли думать, что дальнобойные орудия, подводные лодки, летательные аппараты, танки составляют торжество техники, которое почти упраздняет стратегию, исключает возможность проявления таких гениев, как Наполеон. Что может сделать, казалось бы, личность против химических снарядов, сплошного заградительного огня, невидимой артиллерии, бьющей за 150 верст?» - А вот у военных-то я как раз и услышал, что все решается личностями, что в последней войне побеждала та сторона, которая имела вождей последовательных, действовавших по хорошо обдуманному плану, прошедших хорошую школу, обладавших великими традициями. Русские терпели неудачи в международной войне не от недостатка снарядов, а от неспособности вождей. Или еще отрицательный пример, освещающий косвенно роль личности. Генерал Алексеев (23), под конец старого режима сделавшийся начальником главного штаба, был гениальный ученый, многоспособный техник, изобретатель остроумнейших стратегических планов; все эти данные, однако, пошли прахом, потому что он не обладал самым существенным для вождя качеством - волею, решительностью, настойчивостью. А вождь должен быть деспотом, как Наполеон. Еще такой же пример: мы говорим, что действия англичан в великой войне были бледны, незначительны - почему? - потому что они не выставили ни одной выдающейся личности.

Весьма естественно, что при таком характере наших суждений о современности, мы начинаем иначе оценивать факты прошлого. В истории Англии XVIII в. мы отдадим двойное внимание роли Питтов (24) как основателей английского могущества. В истории Франции мы отметим необычайно важное значение Кольбера (25), - поскольку он был главным основателем империи Людовика XIV: со времени смерти министра начинается резко уклон и падение державы. Мы готовы признать, что без Вашингтона (26) вероятно не было бы американской независимости. Мы вынуждены сказать, что диктатура Цезаря очень непохожа на диктатуру Суллы, что если бы победил во второй гражданской войне Помпей, республика более нежно и

мягко перешла бы в империю (27).

Наконец, еще одна перемена в наших исторических суждениях под влиянием впечатлений современности. Мы привыкли думать, что *идеи* - *лишь формулы действующих интересов*, что никого нельзя переубедить аргументами, что управляют жизнью могущественные реальные мотивы, которые в свою очередь определяются классовым положением.

А вот перед нашими глазами изумительный факт: количественно небольшая группа овладевает колоссальным государством, становится властью над громадной массой и перестраивает всю культурную и социальную жизнь сверху донизу. Согласно чему? - Своей идейной системе, своей абстракции, своей утопией земного рая, жившей до тех пор лишь в умах немногих экзальтированных романистов. Это ли не господство теорий над миром человеческих отношений! Еще острее наше впечатление от того контраста, который получается между поступками и убеждениями властителей современного момента. Они очень любили выставлять себя материалистами, смеяться над всякими идеологиями. Ведь никто иной, как именно они считали политические теории, философские системы и т.п. надстройкой, декорацией, тогда как все дело в фундаменте классовых интересов. А вот теперь они-то и отдаются увлечению своими идеями, они-то и не хотят считаться с реальными интересами, с вековыми привычками, стремясь дать место полету своего воображения, упиваясь блеском и стройностью своих мысленных чертежей.

Своим примером они только показывают, как мы все вместе с ними заблуждались прежде, когда считали идею, теории чем-то производным, кабинетным, оранжерейным, когда сомневались в способности теорий действовать на воображение, когда думали, что идеи не способны управлять людьми! В результате важный поворот в наших исторических рассуждениях. Мы вынуждены обратить внимание на громадное воздействие идей, на творческую и разрушительную роль теорий в судьбах человечества. Легко видеть перемену метода на истолковании такого исторического факта, как развитие монашества в конце эпохи римской империи. Исследователи, которые исходили от недавно господствовавшего материалистического взгляда, обычно обращали внимание на

разорение классов, на усиление пролетариата, на роль государства, увеличивавшего повинности, на опустение городов. Что же касается идей монашества, аскетизма, созерцательности бытия, презрения к телу, красоте и богатству, увлечения картинами земного бытия, все эти явления исследователи-материалисты готовы были рассматривать как последствия классовых отношений, во всяком случае как факты второстепенные, привходящие. Теперь под влиянием поворота в понятиях историк невольно скажет себе: не поставить ли вопрос обратно? не устремить ли свое внимание прежде всего на своеобразный круг идей монашества, на мечту о внетелесном, неземном бытии, не в них ли искать определяющий фактор всего движения, бегства из городов, уклонения от повинностей и т.д.? И вообще, не попытаться ли построить обратный порядок в толковании связи исторических явлений: искать не того, как класс вырабатывает свою идеологию, а того, как определенная идеология, собирая единомышленников, образует собою новый класс.

Повторю основные моменты наблюдаемой в современности перемены исторического метода, исторического толкования. Мы еще недавно спрашивали о *состояниях, о жизни масс, о направлении интересов*. Мы теперь хотим прежде всего знать *события, роль личностей, сцепление идей*. Когда эту смену воззрений и вкусов захочет определить философ, он скажет: общественное мнение перешло от воззрения *материалистического к идеалистическому*.

Мне пришлось описать вам явление, происходящее на наших глазах в области научных воззрений и приемов. Искали в одном направлении, ищут теперь в другом. Вы спросите: какой же путь вернее, в каком направлении следует искать, чтобы найти более прочные научные выводы, чтобы сделать более правильные научные заключения? Можно ли сказать, что исследователи заблуждались, когда выясняли состояния и стали на правильную дорогу, когда стали выяснять события? - Мне кажется, что здесь нет исключительных решений, нет альтернативы, нет вопроса «или одно, или другое»(28). И материалистический взгляд, и взгляд идеалистический, каждый в отдельности взятый, неполны, недостаточны, односторонни. Очень хорошо было бы, если бы в науке одновременно и согласно действовали тем и другим методом, смотрели бы с той и другой точки зрения. Но так никогда

не бывает, все мы отличается односторонностью, никто не бывает одновременно материалистом и идеалистом.

Но никто из нас и не стоит одиноко и разрозненно среди этих направлений. Мы все принадлежим так или иначе к большим полосам настроений, мы находимся во власти своего рода умственных партий, господство которых сменяется в обществе. Есть что-то более сильное, чем рассуждения и чувства отдельных лиц. Семь лет тому назад вы могли бы горячо звать к тому, чтобы от изучения классовых интересов, массовых явлений, состояний, периодизации социальных отношений ученые перешли к характеристике событий, личностей, идей - вы остались бы гласом вопиющего в пустыне. Попробуйте теперь обратно сказать: не будем интересоваться войнами, революциями, драматическими конфликтами, столкновениями держав и народов, фигурами командиров, политических вождей, будем изучать культурные отношения, длительные формы быта, медленно слагающуюся структуру классов. Вам скажут: вы опоздали, мы теперь не о том хотим слышать, не то стремимся узнать.

Материализм победоносно утвердился в социальных науках в 70 и 80-х годах XIX в. Он сменил идеалистические взгляды романтиков, сложившиеся в свою очередь под впечатлением бурной эпохи войн начала XIX в. Вы легко заметите, какое видное место в рассуждениях людей первой половины XIX в. занимает Наполеон, как спорят о роли Робеспьера, как возвеличивают идеи жирондистов. Насколько непохожи эти суждения на формулы последователей Маркса, для которых существует только неумолимый железный закон диалектики, смена одного массового строя его противоположностью.

Будет ли новый идеализм повторять формулы идеализма старого или выставит иные учения, я не знаю. О наступающей перемене в воззрениях я только догадываюсь. Догадываюсь и о том новом запросе, с которым пришли вы, люди нового поколения, вырастающие среди катастрофы, среди ломки и крушения, среди событий по преимуществу.

* * *

1. Р.Ю.Виппер, по-видимому, уловил важную

закономерность: история бывает «ученицей жизни» как раз в переходные, кризисные времена. Это положение всецело относится к нашему переходному времени.

2. Действительно, проблемы «внутренней», социальной и культурной» истории были в центре лекционных курсов российских профессоров. Из более, чем 180 заявленных на 1913-1914 уч. год исторических курсов в 8 российских университетах только 5-6 курсов могут быть отнесены по их тематике к «внешней, политической, дипломатической и военной истории». Это просеминары К.В.Хилинского по памятникам греческого международного права и М.А.Полиевктова по восточному вопросу в русской политике XVII и XIX столетий (СПб. ун-т), курсы проф. Н.Н.Фирсова по истории внешних отношений России в XIX в. (Казанский университет), проф. Б.В.Варнеке об установлении европейского владычества на Индийском океане (Новороссийский ун-т), В.Г.Ляскоронского по истории рыцарства (ун-т св. Владимира), практические занятия проф. Е.В.Тарле по истории франко-русских отношений в эпоху Наполеона I (Юрьевский ун-т). Великим личностям были посвящены 3 курса: проф. М.И.Ростовцева об источниках по истории Александра Великого, проф. И.М.Гревса о жизни Франциска Асизского (СПб. ун-т), проф. И.В.Нетушила по биографии Августа (Харьковский ун-т). Проф. Р.Ю.Виппер объявил на 1913-1914 уч. год следующие курсы: 1. История древней Греции; 2. Новейшая история; 3. Семинарий по Фукидиду и псевдоксенофонтовой «Афинской Политии».

3. Пасифизм - от *pacificus* - миротворческий; современное написание - пацифизм. Р.Ю.Виппер не совсем точен, относя возникновение пацифистского движения к «недавней современности». Первые пацифистские организации возникли в Великобритании и США в начале XIX в.; к рубежу XIX - начала XX в. пацифистское движение было уже широко распространено, имело в активе проведение ряда международных конгрессов. Отношение же историка к нему, как к «курьезному», объективно совпадало с негативной оценкой движения большевиками, хотя последняя имела иную основу. По В.И.Ленину, пацифизм являлся «одной из форм одурачения рабочего класса...» (Полн. собр. соч., т. 26, с. 165).

4. Зутнер (Sutner) Берта фон (1843-1914), австрийская писательница, один из организаторов пацифистского движения. Издавала журнал «Долой оружие!» (1892-1899). В 1905г. удостоена Нобелевской премии Мира.

5. Р.Ю.Виппер имеет в виду состоявшуюся в мае-июле 1899г. в Гааге международную конференцию. Созванная по инициативе России конференция, в которой приняли участие представители 27 государств Европы, Азии и Америки, положила начало международным соглашениям (конвенциям) о законах и обычаях войны, о порядке мирного разрешения международных споров.

6. Р.Ю.Виппер не без оснований говорит о пацифистских настроениях российского общества, пытаясь показать их общественную роль. Об этом, например, пишет в своих «Воспоминаниях» П.Н.Милюков (см. т. 2. М., 1990, с. 28-39), который вполне мог быть «хорошим знакомым» того же возраста (оба родились в 1859г.), был историком по образованию и «умным человеком»: «То были идиллические времена, когда правила международного права казались неприкосновенной святыней, когда Европа наслаждалась долголетним миром, колониальная борьба на время затихла, национальные претензии не поощрялись, «империализм» был почти бранным словом, и вечный мир вовсе не казался недостижимой перспективой». Но после начала мировой войны Милюков стал сторонником доведения ее до победного конца.

7. При оценке положения школьного исторического образования в России до 1917г. следует иметь в виду следующее. Виппер, очевидно, правильно выявил общую тенденцию методической мысли направлять внимание не на войны и внешнюю политику, а на культуру. Подтвердил это заключение Виппера своими исследованиями известный казанский методист С.П.Сингалевич (см.: Методика истории. Казань, 1918, с. 194). Но эта тенденция не была аксиомой, тем более, что учащимся предлагалось множество учебников, которые писались авторами, стоявшими на разных теоретико-методологических позициях. Потому не было неожиданным прямо противоположное виPPERовскому выступление в 1915г. методиста Шмита. Он усмотрел главный недостаток школьного исторического

образования в том, что в нем господствует материал военной и политической истории, и потребовал изъятия до 90% (!) этого материала, как говорящего «о жестокостях, убийствах, грабежах, предательствах, заговорах и т.д.» (Наука и школа, 1915, N 2, с. 108). Рекомендации Шмита были встречены критически.

8. Здесь точка зрения Виппера противоположна современной критической позиции. Виппер, фактически, воспекает классовую борьбу, войну как основу реалистического понимания истории. Мы же, в нашем увлечении общечеловеческим, атакуем классовую борьбу и войну.

9. Тезис, по существу, верен: любим или не любим ли мы классовую борьбу, но закрывать глаза на нее, на то, что она существовала - худший вид самообмана.

10. Фукидид (Thukydidas)(460-396 до н.э.), древнегреческий историк, активный участник Пелопоннесской войны (431-404). Свои наблюдения положил в основу «Истории Пелопоннесской войны» - сочинения, считающегося вершиной античной историографии. В России перевод «Истории...» был осуществлен проф. Казанского ун-та Ф.Г.Мищенко и вышел сначала в 1887-1888 гг., затем в переработке С.А.Жебелева в 1915 г. (т. 1-2, М., 1915).

11. Ливии Тит (Titus Livius) (59 до н.э. - 17 н.э.), римский историк, автор «Римской истории от основания города», из 142 книг которой сохранилось 35, в том числе те, где описана история 2-ой Пунической (Аннибаловой) войны. На русском языке «Римская история...» вышла 2 изданиями в 1892-1899 гг. и 1897-1901 гг. под ред. П.Адрианова.

12. Война за испанское наследство (1701-1714), начавшаяся после смерти Карла II, последнего испанского Габсбурга, имела общеевропейский характер: против франко-испанской коалиции выступила коалиция, в которую входили Австрия, Англия, Голландия, Дания, Пруссия, большинство мелких германских княжеств. Для Франции она была, по существу, четвертой в серии войн за гегемонию в Европе, которые она вела в период 72-летнего царствования Людовика XIV (1638-1715, король с 1743). Закончилась подписанием Утрехтского (1713) и Раштадтского (1714) миров. Главными результатами войны явились передел территорий, конец гегемонии Франции в Европе,

усиление английского морского и колониального могущества.

Одновременно в Восточной Европе развернулась Северная война (1700-1721), в которой союзный с Францией шведский король Карл XII воевал против т.н. Северного союза - коалиции России, Дании и Саксонии. Россия вела борьбу за выход к Балтийскому морю. Завершилась Ништадтским мирным договором 1721 г.

13. Очевидно, автор имеет в виду войны между Францией и ее противниками на рубеже XVIII - XIX вв. Они условно делятся на Революционные (1792-1799) и Наполеоновские (1799-1815). После переворота 18 брюмера (9 ноября 1799 г.), давшего власть Наполеону Бонапарту сначала как первому консулу, а с 1804 г. - императору, Франция вела войны против 2-ой (1800-1803), 3-ей (1806), 4-ой (1806-1807), 5-ой (1808) коалиций европейских держав, в 1812 г. воевала с Россией, а после изгнания с ее территории - с 6-ой (1812-1814) и 7-ой (1815) коалициями.

Интерес к наполеоновским войнам в революционной России, действительно, был значительным. Показателен факт, что В.И.Ленин в феврале 1918 г. во время переговоров о мире с Германией конспектирует главу VIII «Господство Франции в Европе при Наполеона I» из IV тома фундаментального труда Н.И.Кареева «История Западной Европы в новое время». Был составлен перечень войн, проведенных Наполеоном в Европе в 1800-1815 гг., и подчеркнут их «империалистический» характер.

14. Русское военно-историческое общество было основано в 1907 г. в Петербурге с целью изучения военно-исторического прошлого русского народа. Имело отделение в Москве. Прекратило деятельность с началом I мировой войны.

15. Речь идет о Комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914-1918 гг., работавшей сначала при Главном Штабе Красной Армии, а потом при Военной академии РККА. Комиссию возглавлял видный военный историк и теоретик А.А.Свечин.

16. Кромвель (Cromwell) Оливер (1599-1658), деятель Английской революции 17 в. В 1653 г. установил режим единоличной военной диктатуры - протекторат. Положил начало колониальной политики Англии нового времени.

17. Блэк (правильно - Блейк: Blake) Роберт (1599-1657),

выдающийся английский флотоводец, в 1652 г. разбил голландский флот, в 1657 г. - испанцев у Санта-Круса.

18. Коринфская война (395-387 до н.э.) между Спартой и коалицией полисов во главе с Афинами и Фивами. Анталкидов мир 386 г. до н.э. сохранил за Спартой ее гегемонию в Греции и способствовал росту политической раздробленности и междоусобий. Р.Ю.Виппер понимал коммунистический строй как основанный на принудительном труде, внеэкономическом принуждении; его примерами мыслились древний Египет, государство инков, в данном случае - Спарта. Победы сторонников последней, очевидно, и предстают под пером историка «настоящими коммунистическими революциями».

19. Здесь и далее речь идет об уравнилельно-распределительных устремлениях низов, по-новому воспринятых ученым под воздействием социально-экономической политики большевиков. Но это восприятие - весьма поверхностно. Впрочем, в наши дни подобное представление о коммунизме стало наиболее распространенным и не создает основы правильного понимания истории, равно как и «изгнание» классового подхода из исторического познания. Против последнего протестовал Виппер (см. прим. 9).

20. В Гуситские войны (1419-1437) вылилась борьба народных масс Чехии в 1-ой половине XV в. против феодальной эксплуатации, католической церкви и иноземной агрессии. В гуситском движении сложились различные социальные потоки и идейно-политические направления. В их числе было и проповедовавшее хилиастические и социалистические теории. По Випперу, они определяли движение, превратив Табор на пятнадцать лет в «коммунистическую общину». С этим согласиться трудно, так как сторонники общности имущества - «пикарты», «адамиты», которые попытались на первом этапе существования Табора создать прообраз грядущего «царства божия», оказались в меньшинстве и были весной 1421 г. разгромлены умеренными таборитами во главе с Я.Жижкой, а сопротивлявшиеся - уничтожены. Ян Жижка (ок. 1360-1424), Прокоп Великий (ок. 1380-1434), Прокоп Малый (? - 1434) - политические и военные вожди таборитов.

21. Ллойд Джордж (1863-1945) - премьер-министр

Великобритании в 1916-1922 гг. Мильеран А. (1859-1943) - французский социалист, вошедший в 1899 г. в буржуазное правительство. Вильсон Вудро (1856-1924) - президент США в 1913-1921 гг.

22. Гинденбург П. (1847-1934) - германский военный и государственный деятель, генерал-фельдмаршал. В годы первой мировой войны - командующий германской армией на Восточном фронте, затем - начальник генерального штаба. В 1925-1934 гг. - президент Веймарской республики. Тирпиц А. фон (1849-1930) - гросс-адмирал, создатель сильного военно-морского флота Германии, морской министр в 1897-1916 гг. Людендорф Э. - германский генерал, в период первой мировой войны - начальник штаба Восточного фронта, в 1916-1918 гг. фактически руководил всеми вооруженными силами Германии.

23. Алексеев М.В. (1857-1918) - генерал, верховный главнокомандующий в марте-мае 1917 г. Организатор белого движения.

24. Питт Уильям Старший, граф Чатам (1708-1778) - английский гос. деятель, премьер-министр Великобритании в 1766-1768, министр иностранных дел в 1756-1761 гг. Питт Уильям Младший (1759-1806), сын Уильяма Старшего, премьер-министр Великобритании в 1783-1801 и 1804-1806 гг., организатор коалиций европейских государств против французской революции, а затем наполеоновской Франции.

25. Кольбер Жан Батист (1619-1683) - министр Людовика XIV, генеральный контролер финансов.

26. Вашингтон Джордж (1732-1799) - первый президент США (1789-1797), главнокомандующий армией колонистов в Войне за независимость в Северной Америке (1775-1783), обеспечившей ликвидацию английского колониального господства и провозглашение независимости США.

27. Цезарь Гай Юлий (ок. 100-44 до н.э.) - знаменитый римский полководец, государственный деятель и писатель. Сулла Луций Корнелий (138-78 до н.э.) - римский полководец и политический деятель, диктатор (82-79). Помпеи Гней (106-48 до н.э.) - римский полководец и политический деятель. Р.Ю.Виппер дает здесь интересные суждения об альтернативности истории. Но конкретное понимание пути становления империи, если бы

«был Помпей», вызывает возражения, ибо бездарность Помпея относительно Цезаря была фактом еще для древних.

28. Р.Ю.Виппер, как видно из текста, не отрицает правомерность изучения «истории состояний». Глубоко вопрос об отношении Виппера к методу раскрыт Б.Г.Сафроновым, показавшим, что для историка «история состояний» и история событий» не два разных метода, а две стороны единой исторической науки. Виппер отстаивал идею их принципиальной равнозначности и взаимной дополнительности. См.: **Сафронов Б.Г.** Историческое мировоззрение Р.Ю.Виппера и его время. М., 1976, с. 192-195.